

Скромная деревенская девчушка, над которой потешались соседи, когда она заявляла: “Стану артисткой”, — эта история искушает на эпиграфы про “коня на скаку” и “зорящую избу”. Тем более что илюидж соответствует: селянка с похобкой царицы. Но ведь не одна она такая: у нас каждая вторая звезда “вышла вся из народа”.

Я жду. Пирог на столе тоже ждет и источает мучительные ароматы. Комната в стиле урбанизированной горницы: сервант плотно заставлен хрусталем и фарфором, образа, лампада, свечи, евроремонт, тренажеры... Артистка извлекает свой организм из ванной и является мне в футболке и узком черном трико. Ноля косметики. Начиная с самого, судя по всему, актуального.

— Вы в последнее время сильно изменились: похудели, похорошели...

— Спасибо. Да, есть такое. Двадцати трех килограммов как не бывало.

КОНФЕТКИ, БАРАНОЧКИ...

— С чем же такое преображение связано, может, вы влюбились?

— Хотелось бы, да пока не в кого. Я, конечно, человек увлекающийся. Мне необходим кто-то, кто обратил бы на меня внимание. Мы же женщины! Но сейчас на этом поприще у меня пробел. Наверное, побаиваются. Мнение обо мне сами знаете — что я такая-сякая, грубая-скандальная. Животных не люблю, расправляюсь, как хочу. Кстати, пока мы с вами тут сидим, собаку повели гулять. Дома были и рыбки, и мышки-крыски. Пока сынок не вырос. Но любопытство к зверью у него до сих пор огромное. Он очень доброй души. Жалко, вы его не застали.

— Сколько лет сыну?

— Двадцать два. Данила. Ростом — здоровый! Мне нравится, как у нас отношения складываются. Я для него и друг, он и посовещаться со мной может. А тут я болела, валялась, и очень приятно было, что мальчик переживает, помогает.

— И все-таки хочется узнать рецепт красоты от На-

дежды Бабкиной...

— Вкусный пирог? Очень?

А мне — никаких пирогов теперь. Ни мучного, ни конфет, ни сахара, в крайнем случае — мед. Не пью ни грамма. Не курю. Очень много двигаюсь. Тренажеров дома полно — сами видите. Тренировки, массаж. Плаваю каждый день. Выхожу из бассейна полуживая, ручки-ножки болят, но это усталость удовлетворения.

Однажды я поняла: все, пора. И вот превратилась в нормального человека и женщину. Для артистического мира это шоко-терапия. Все обалдевают: “Ну ты дала, нас всех припечатала. И я теперь так хочу”. Я говорю: смотри, только никому не болтай. Я-то молчала целый год, занималась собой. А когда пошел эффект — его ж не скроешь, — теперь все могу рассказать. Потому что уже испытала на своей шкуре.

— Я всегда поражалась вашей косе, думала — шиньон...

— Да что вы. У меня с детства волосики были хорошие. Потом, как это часто бывает, глупость в голову вступила, и я отрезала косы. Совсем под тифозную девочку. Когда поступала в институт, меня все жалели: “Беденькая, из себя вроде ничего, а волосиков у нее нет”. А я-то знала, что у меня косищи. Потом опять отращивала.

НЕ РОДИСЬ КРАСИВОЙ, А РОДИСЬ СЧАСТЛИВОЙ

— Вы в Москву приехали, наверное, с теми же чувствами, что и Фрося Бурлакова?

— Да, есть что-то. Смотрю сейчас этот фильм и со смеху помираю. Конечно, по роюлю кулаком — такого не было, но нечто похожее было на экзаменах. Встала на тумбу, где дирижеры стоят, — я ее называла постаментом. За роялями — два концертмейстера, один играет за хор, другой за оркестр. Я должна руками показывать вступление каждой партии. А когда я училась в Астраханском музыкальном училище, мы там эти партии пропевали. Мне нравилось: поешь одна за всех, балдеешь. Ну, я взмахнула руками, начало пошло, комиссия вся очень важная. И вдруг мне так обидно стало, что они на меня не смотрят. Сидят, пишут. Пианист выдает все, как я показываю. И они слышат — как суперпрофессионалам им совершенно не важно на меня смотреть. Но я-то — как заору ни с того ни с сего! Что-то из меня полперло, открыла глотку и во всю прыть вступила. Они на меня разом глаза подняли, и на лицах — полужас-полушок. А я остановиться уже не могу! И вижу, как у них удивление переходит в улыбку. Перепугалась: “Ну, — думаю, — провал”. Так ведь нет, приняли.

— Вы были твердо убеждены, что сумеете покорить Москву?

— Я не предпринимала особенно продуманных действий — все было так искренне. Это был порыв, и достаточно долгий порыв. Я ждала восьми утра, чтобы быстрее бежать репетировать. Я наверх ступала то, что упустила. Жадно моталась по театрам, концертным залам. Когда в Большой приехал Ла Скала, студенты собирались в кучи и прорывали кордоны. За нами гонялись, но поймать не могли. Во все конкурсы совалась, пришла в “Алло, мы ищем таланты”. Говорю: “Да не надо мне микрофона, вы меня и так услышите”. Таланта во мне не признали. Но меня это не остановило.

— Правду говорят, что у вас нрав очень строптивый и независимый?

— Да, независимый. Но не строптивый. Я просто четко знаю свое дело, властвую в своем огороде и, если надо, всем дрозда даю. Но больше нигде не лезу. Я люблю порядок и дисциплину. Если кто-то считает это своеобразием и жесткостью, то, думаю, он ошибается. У меня есть свои правила своего маленького государства — фольклорного центра “Русская песня”. Там пять коллективов, плюс школа народного пения, плюс издательская деятельность. В прошлом году я защитила диссертацию. Тема — “Народное пение в сценическом воплощении современности”. Сейчас современная информация для молодежи заполонила все щелочки, а о том, чей земли они уроженцы, они не помнят. Мне грустно. Похоже, в нашем отечестве сегодня активизировался сатанизм.

— Вы — верующий человек?

— Да, но зачем об этом много говорить. Это интимные отношения каждого. Я человек далеко не идеальный, не святая, и поэтому отношусь к этому очень серьезно. Последние несколько дней я читаю Библию — последнюю главу, Откровение. Много раз перечитываю, не знаю почему. Я на время оставила любовные романы — я имею в виду книги. Как мы должны жить, почему мы друг другу делаем больно, кто от этого страдает, кто получает удовольствие, — я часто задаю себе эти вопросы. Какие-то взгляды на жизнь я просто пересмотрела.

ПАРНЕЙ ТАК МНОГО ХОЛОСТЫХ, А Я ЛЮБЛЮ ЖЕНАТОГО

— Вы были замужем?

— Конечно. А откуда ж у меня Данила взялся? Из воздуха, что ли? Да, была один раз. Мы жили достаточно хорошо. Но, наверное, со мной ужиться сложно. Потому что я сама себе не принадлежу. Одновременно с Даниилом родился и ансамбль. Они ровесники. И это для меня — тоже дети.

— Кем был ваш муж?

— Мой муж, во-первых, просто хороший человек, во-вторых, он был джазовым музыкантом, довольно известным. Играл на барабанах, участвовал во многих фестивалях. Он мне и посоветовал держаться за народный жанр. Сказал: “Надя, это вечно и это надежно. А та музыка, которую люблю я, все равно жизненного блага не принесит”. Тогда официально никто даже не приветствовал. Мы начали семейную жизнь очень романтично. В плане быта у нас не было ничего, кроме ночной лампы. Комедант моего общежития собрал мне комплект белья со штампами, ковровую дорожку, какую-то посуду. Когда родился Данила, муж вынужден был перейти в жанр посылы, работал в “Лейся, песня”, в “Красных маках”, с Шуфутинским. Зарабатывал деньги. Когда он приносил 500—800 рублей с гастролей, это было просто состояние. Мы купили мебель, приоделись. Вообще, все было замечательно. Но потом я с головой окунаясь в деятельность коллектива. В конечном итоге Володя не выдержал такой жизни, и я его понимаю. Хотя мы до сих пор дружим.

— Потом у вас, наверное, случались другие любовные истории...

— Было у меня не так давно одно серьезное увлечение. Понимаете, любовь — это и есть мгновенное увлечение. Дальше ты превращаешь его в ответственность и несешь, как крест, по жизни. Философы утверждают, что слово “любовь” на земле не прижилось. Любовь либо убивает человека, либо человек убивает любовь. Так и есть. А то, что все мы привыкли называть любовью, — лишь вспышка эмоциональная, сигнал к физиологическому притяжению.

Что толку говорить о таких вспышках... Они дают мне толчок фантазировать, а потом все исчезает. Как это можно назвать любовью? Это небрежно брошенное слово. А тебе потом по носу за это слово — ишь какая, надеется на что-то! Это ж все временно.

— Насколько мне известно, у вас долгое время были романтические отношения с Александром Розенбаумом?

— Не знаю... будет ли ему приятно об этом прочесть? Но, в общем-то, романтические отношения, очень доверительные и трогательные, были.

— Говорят, он даже собирался уходить из семьи...

— Этого я не знаю. Думаю, что для него семья была и будет всегда святой. Но поскольку мы люди творческие и всегда нуждаемся в некоем допинге романтичности... Коля могли мы друг другу быть полезны — это было неплохо. Благодаря ему мы — “Русская песня” — открыли для себя новую страницу в деятельности.

— Что это за страница?

— Он нам предложил свою очень серьезную и интересную работу — фолк-рок-бард оперу “Блаженные картинки”. Мы вместе с ним это сделали. Получилось замечательно, премьера была, как сейчас помню, в Моссовете. Народу — битком. Правда, развития это не имело, поскольку мы жили в разных городах.

— А почему вы с ним расстались?

— Я не рассталась, просто так сложилась судьба, что у него было очень много гастролей, предложений. Надо было зарабатывать деньги. Расстались мы по той причине, что люди, которые бы

Моей. Написана в 1997-2000 гг.

БАБКИНА

Надежда Бабкина: “У Коржакова своя свадьба, а у меня — своя”.

ли в окружении, пытались как можно быстрее решить его материальные трудности. А может быть, даже и свои в первую очередь. Я в эти дела не лезла, но у нас стало меньше времени общаться, и так все потихонечку скрылось.

— Сейчас общаетесь?

— Конечно, здороваемся, улыбаемся. Он очень внимательный, всегда спрашивает, как Данилка, я — как его дочь. Для него семья — это закон. С кем бы у него романтические отношения ни были, тут все строго. Более того: я ни о чем не жалею, и я ему очень благодарна. Есть романс, который он написал, я его с большим удовольствием пою.

— Он его вам посвятил?

— Думаю, что да. “Я когда-то была молодой” называется. Когда он его написал, я сначала даже обиделась, а он говорит: “Знаешь, Надя, пройдет несколько лет, и ты однажды споешь его и вспомнишь самые лучшие дни нашего общения”. И действительно, прошло много лет — не два года, — и я его пою в концертах, пою как о себе. А каждая женщина в зале думает, что о ней.

САМА САДИК Я САДИЛА, САМА БУДУ СОБИРАТЬ

— Помню, была громкая история с распадом вашего коллектива...

— Обычный бракоразводный процесс. Хотя в душе я очень переживала, я очень быстро привыкаю к людям. И когда приходится расставаться — это болезненно.

— Обычно инициатором расставания становитесь вы?

— Нет, никогда. Но, видимо, я выдвигаю такие условия, что люди не в состоянии с ними справиться. И в этой ситуации я, конечно, не могу им нравиться. Я их не сужу. Откуда у меня время на бабьи разборки? У меня есть дело, и то, чем я занимаюсь, сегодня нужно людям. Я это чувствую. Особенно когда езжу по городам российским. Судите сами: девки куда моложе меня. Все есть, я им прописку сделала, знай себе работай. Так нет — у них впереди бежала лень. На мои замечания, что надо выглядеть прилично и следить за собой, мне отвечали: “Мужьям и соседям нравится”. Остальное как бы неважно. Потом поползли нелепые слухи, что я якобы собираюсь уехать за границу. Сработала элементарная женская зависть. Они меня нутром перестали принимать.

— Трудно, наверное, женщине руководить женским коллективом?

— А как я почти 20 лет руководила? И ничего. Сейчас у меня в центре работают люди, которые мне близки по духу. Они с полувзгляда просекают, о чем я говорю. Мы настоящая семья. Сейчас взяли в центр ансамбль Покровского. Он же умер, Митя. Мы всю жизнь были с ним оппонентами, но достаточно деликатно относились друг к другу. Мне не все нравилось, что делает он, а ему — мое. Но когда его не стало, я одна из первых пришла на похороны. Недавно приняла решение — взять их под опеку и сказать так: вы как были, так и будете театром Дмитрия Покровского, но в государственном центре “Русская песня”. И еще — не бойтесь, я не посягаю на ваше творчество и вмешиваться не собираюсь. Никто больше не предложил им руку помощи. Они были обречены. А мне их жалко.

— На эстраде, чтобы добиться успеха, надо понравиться Пугачевой. В вашем жанре большой авторитет — Людмила Зыкина...

— Да, очень. И для меня тоже. Обожаю ее. Мы с ней дружим. Это звезда своего времени, которая сияла и будет сиять. Одной из моих первых работ был спектакль “Когда песок взойдет”, который мы делали с Юрием Шерлингом. Тогда много людей сокрушалось: вот Бабкина поет песни, ползая по сцене, лежа. А там был очень глубокий философский смысл, мы отошли от многих трафаретов. Так первый, кто пришел на эту программу, — Людмила Георгиевна. Пришла и сказала: “Надя, что бы о тебе ни говорили — ты это уже делала”. Просто меня поддержала.

— А как вы относитесь к коммерческому успеху Надежды Кадышевой и “Золотого кольца”?

— Хорошо. Я вообще ко всем народникам хорошо отношусь. Но если подкладывать изначально коммерческое — это ненадежно. Я только желаю, чтоб они как можно дольше не иссякали. То, что быстро продается, — очень долго потом наполняется. Для меня лично духовность и деньги несовместимы.

— Молодой конкуренции не чувствуете?

— Да какая может быть конкуренция? Каждый занимает свою нишу. У меня вокальный ансамбль из суперпрофессионалов, консерваторских людей. А у них подпевают ребята, которые никакого отношения не имеют ни к вокальному, ни к дирижерскому образо-

ной тусовке из народных, кроме меня, никого нет. Со мной и мои друзья, мне нечего с ними делить. Я никогда ни о ком плохо не скажу — мне это близко или не близко. А судить нас есть кому.

— А вы работаете на свадьбах?

— А почему нет? У нас и обряд свадебный есть. Они уже расписались, сидят за столом, мы приезжаем, я говорю: просим прощения, но нам придется вас разделить. И делаем все, как делали в деревне, на полном серьезе. Вы себе представить не можете, что происходит с невестой и женихом. Ощущение, будто они только что познакомились. В нашем коллективе так женили мы Наташу с Сережей. Они тряслись так! Хотя сами артисты. В этом есть действительно очень сокровенное, и таинство, и особая ответственность. А потом — в храме венчание. У нас ведь в репертуаре есть и духовная музыка. Миссия Надежды Бабкиной и ансамбля не развлекательная, а более глубинная. Она необходима людям как воздух, как хлеб — подкрепить свою душу.

— А если “новый русский” вас позовет попеть для себя, поедете?

— Поеду, если деньги заплатит.

— Сколько он должен заплатить?

— Не знаю, сколько даст. Попрошу много, а поскольку торг уместен, соответственно, даст мало. Я ж не Пугачева и не Киркоров.

КАБЫ Я БЫЛА ЦАРИЦЕЙ...

— Бабкина — ваша настоящая фамилия?

— Да. По мужу у меня другая фамилия, а Бабкина я с самого рождения. У нас в центре есть “Бабкин дом”. Но это не имени меня. У бабушки всегда были пироги, сундуки с секретами. Сказки бабушкины, песни, уклад. Мы одно из поколений, которые продолжают линию наших бабушек. И когда я подумала, что моя фамилия имеет такой корень, — мне приятно. Эту фамилию надо отрабатывать.

— Раньше члены политбюро жуть как обожали баберин. Вы — красивая женщина, все время на виду, на вас не посягали сильные мира сего?

— Никогда. Вы же знаете — я грубая, непристойная. Бояться — вдруг я чего-нибудь сделаю, ляпну где-то что-то. Поэтому я в этом отношении совершенно не запятана. Скажу больше: наверное, поэтому у меня никогда не было толкачей в спину и блат. И поэтому меня крайне редко принимали в “круги”, и я редко была удостоена

честь находиться рядом с ними.

— Но, наверное, знаете, кто вам симпатизирует?

— Да, конечно, я это чувствую. Мы очень благодарны мэрии Москвы и Юрию Михалычу Лужкову. Благодаря ему мы получили государственный статус. Юрий Михалыч часто нас приглашает на концерты, на серьезные мероприятия масштаба России и международных. Приглашают важные люди из прокуратуры, из милиции.

— Совсем недавно вы поддержали Александра Коржакова на выборах...

— Нет. Вариант был такой: у меня своя свадьба, а у человека своя.

— Выходит, в его предвыборной кампании вы не участвовали?

— Это была не предвыборная кампания. Я выступала перед народом, мои концерты были вне политики. Кто что видел и кто слышал? Я не хочу давать никаких оправданий, потому что это враки.

— То есть он вас в Тулу не приглашал?

— Почему? Он позвонил, предложил. Сначала у меня не было времени. А когда оно освободилось — пожалуйста. Приехала, когда смогла. Он не приходил на концерты, а я не высказывала ни одного слова в агитационном направлении. Мол, люди, гурыбой идите, голосуйте. На протяжении двадцати двух лет работы на сцене нас никогда не приглашали в Тулу — нормально? Это что, вкусовщина местных властей? Я из любопытства поехала к этим людям.

— Ваше отношение к личности Коржакова?

— Почему? Он позвонил, предложил. Сначала у меня не было времени. А когда оно освободилось — пожалуйста. Приехала, когда смогла. Он не приходил на концерты, а я не высказывала ни одного слова в агитационном направлении. Мол, люди, гурыбой идите, голосуйте. На протяжении двадцати двух лет работы на сцене нас никогда не приглашали в Тулу — нормально? Это что, вкусовщина местных властей? Я из любопытства поехала к этим людям.

— Вы с ним в друзьях?

— Не могу сказать, что прям вот — заходи, чаю попьем. Но знакомы мы с ним очень давно, еще до того, как Ельцин стал президентом.

Идут какие-то придворные игры. А артистов хотят поставить в неловкое положение, некоторые призывают бойкотировать наши выступления. Наша пятерка, которая прославилась и которую называли: Хазанов, Лещенко, Винокур, Абдулов и сама Надежда Бабкина. Ну, уж если я — “и сама”, для меня это большая честь. Наконец-то меня признали “и самой”. То, что я независима от любых политических взглядов, — это сто процентов. А то, что я нравлюсь всяким нашим партийным движениям, — так все они прежде всего сыны отчества.

— А в предвыборной кампании Ельцина вы принимали участие тоже “вне политики” или все-таки по убеждениям?

— А как же! Демократия-то, которая у нас как бы наступила, наверное, лучше, чем возврат к коммунизму. Я поддерживала президента, твердо зная, что должен быть он, и никто другой. Хотя нам всем трудно и наша демократия, на мой взгляд, вообще не соответствует своему названию. Это сплошная анархия и беспредел.

— Говорят, в свое время вы активно боролись за защиту “Властилина”. Вы вкладывали туда деньги?

— Вкладывали деньги туда все, и я в том числе. И погорела точно так же, как все. Я пострадала. Но ни “за”, ни “против” я не выступала и не защищала. Я поняла: что упало, то пропало. Не моего ума это дело, я понятия не имею — что, где сейчас эта “Властилина”.

— Вы действительно рассчитывали стать министром культуры? Об этом недавно много говорили...

— Что вы! Я об этом случайно узнала. Лето. Я — в санатории на отдыхе. Бежит директор центра и говорит: “Ты тут, понимаешь ли, на велосипеде катаешься, а тебя уже выбрали”. Я спрашиваю: “Куда?” Она: “Министром культуры”. А тут уже бежит директор санатория: “Ну, ты даешь, Бабкина!”. Я им: “Вы что, судрели, что ли?” И понеслось — а об этом вы написали, “МК”. Или еще: я 31 января якобы была на презентации фильма Рязанова, который мне очень не понравился. А еще больше я огорчилась, увидев, что мой белый серебристый “Мерседес” вскрыт. Во-первых, я в это время сидела дома, болела гриппом. И у меня просто нет белого серебристого “Мерседеса”. И вряд ли когда будет. Я мечтаю об этом! Милые мои, раз вы об этом заявили, так будьте любезны — подарите и вальте тогда что хотите. Жду от вас “Мерседеса” в порядке компенсации.

— А на какой машине вы ездите?

— Я езжу на “Волге”, вернее, меня возят. Ну, и на “Мерседесе” езжу, когда погода нормальная.

— Так все-таки есть “Мерседес”?

— Конечно, есть, я и не отрицаю. Но — черный.

Катя ПРЯНИК.